

Яков МАРКОВИЧ¹

ФЁДОР СОЛОГУБ

Стихи поэта похожи на него самого, на его судьбу, а не являются объективным отражением жизни. Это важно помнить ещё и потому, что очень часто облик поэта у читателей формируется из воспоминаний его современников, оценок критиков, то есть всего того, что как раз нельзя принимать на веру. Фёдор Сологуб в описании почти всех его современников выглядит человеком сухим и тугодумом. Это как-то не сочетается с его добрым отношением к детям, а также поэтическими находками, проникновенной лиричностью его стихов, их волшебной музыкальностью, в которой он не уступает даже Фету. Выходит, что современники ошибались? Внешне — нисколько, а в свой внутренний мир Сологуб мало кого допускал. Он жил уединённо, а потому порождал разные слухи, на которые так охоча пищуца братия. Выходец из самых социальных низов, Сологуб с этими «собратьями по перу», принадлежавшими большей частью к белой кости, держался буйкой. А как же можно было иначе, если:

*Словно мальчик, быстро пчёлами
Весь облепленный, кричит, —
Стонет сердце под уколами
Злых и мелочных обид.*

Это Сологуб написал ещё юношей, задолго до того, как Андрей Белый прибегнул к эдакому *научному* определению облика своего старшего современника, которому как поэт в подмётки не годится: «Атом — частичка пискучая, вроде бациллы». Отмечу мимоходом, что «бацилла» как две капли воды похожа на автопортрет мемуариста, памятного лишь тем, что «в небеса запускал ананасом». Сологуб вызывал у носителей «голубой крови» презрение и насмешки потому, что вошёл в храм русской поэзии буквально босиком.

Сын рано умершего бывшего крепостного и крестьянки, Фёдор Кузьмич Тетерников (Фёдор Сологуб — это псевдоним) сумел та-

---

¹ **Маркович Яков Семёнович** родился в 1941 году в Баку. Служил три года в армии солдатом, плавал по Каспию радистом на буксировщике-спасателе, окончил филологический факультет Московского университета, защитил кандидатскую диссертацию в Институте мировой литературы. Стихи и статьи публиковались в «Новом мире», «Дружбе народов», «Литературной учёбе», «Подъёме», «Южной звезде», «Литературной России». Живёт в Москве.

ки окончить Учительский институт и четверть века был связан преподавательской деятельностью. Вначале своей педагогической «карьерой» он ходил на работу босиком, о чём письменно испросил разрешение начальства, ссылаясь на беспросветную бедность. Представьте на мгновение дождливую и холодную весну и осень на нашем севере. А ещё напрягите своё воображение — и, может быть, оно вам подскажет, как относились ученики к босому учителю. Очевидно, что даже при крайней бедности его мать могла сплести ему хотя бы лапти. Но она держала сына в чёрном теле, нещадно секла с детства, требуя смирения и послушания. После смерти матери эта функция перешла к младшей сестре Сологуба. А когда и та ушла в мир иной, то он вскоре женился, и секла уже жена, которую он и в стихах называл «госпожой». Родственники Сологуба и его жены в большинстве своём были душевнобольными. И его психика тоже была искалеченной. Униженный, он горестно писал:

Фёдор Сологуб. Рисунок
Юрия Анненкова

*В этих жилах струится растленная кровь,
В этом сердце немая трепещет тоска.
И порочны мечты, и бесстыдна любовь,
И безумная радость дика.*

После «Исповеди» Жан-Жака Руссо к подобным откровениям авторов опытный читатель относился с лёгким недоверием. Однако в отличие от Руссо Сологуб писал то, что соответствовало реальности, а не «художественную автобиографию». Можно привести множество совершенно схожих по содержанию строк, что явно свидетельствует о глубокой душевной ране поэта. А как результат — вот один из его афоризмов: «Презирай людей». Отсюда и преобладающий «природный» фон стихотворений Сологуба: болото, трясина, паутина, пауки, мертвецы и разная потусторонняя нечисть. Тем не менее, нельзя прямолинейно, как это делали даже очень искушённые современники поэта, воспринимать его программное стихотворение вроде чистосердечной исповеди сатанинского отродья:

*Когда я в бурном море плавал / И мой корабль пошёл ко дну,
Я так воззвал: Отец мой, Дьявол, / Спаси, помилуй, — я тону.*

*— Не дай погибнуть раньше срока / Душе озлобленной моей;
Я власти тёмного порока / Отдам остаток чёрных дней.*

*И Дьявол взял меня и бросил / В полуистлевшую ладью.
Я там нашёл и пару вёсел, / И серый парус, и скамью.*

*И вынес я опять на сушу / В больное злое житие
Мою отверженную душу / И тело грешное моё.*

*И верен я, Отец мой, Дьявол, / Обету, данному в злой час,
Когда я в бурном море плавал / И ты меня из бездны спас.*

*Тебя, Отец мой, прославлю, / В укор неправедному дню;
Хулу над миром я восславлю / И, соблазняя, соблазню.*

Повторяюсь, это программное стихотворение. Оно не напрямую соотносится с действительностью, в которой Сологуб никогда не плавал в «бурном море», а бродил босым среди неяркой природы родных мест. К тому же это стихотворение, единственное среди нескольких тысяч написанных Сологубом, наделено энергичной интонацией, что наводит на мысль, что вдруг возникшая здесь воинственная тональность заимствована. Она долженствовала предупредить, мол, знай наших, я вовсе не тишайший, которого дозволено лягать каждому ослу. Но вот что, например, написал о Сологубе в связи с этим стихотворением Ю.И. Айхенвальд: «Он сдержал своё слово, этот верный монах Дьявола. Он движется под знаком зла. Ему везде чудится оно, и только оно. Даже луна — это серп, который занесён над миром. Всё грозит, всё убивает, всё дышит коварной смертоносностью. Оттого у Сологуба немного таких стихотворений, в которых не повторялось бы по нескольку раз, с утомительной и однообразной, как вся его поэзия, настойчивостью, слово *злое*. К людям и предметам, к природе и жизни, к осязательному и отвлечённому прилагает он этот неизменный, этот мрачной красотой украшающий эпитет. Но, в сущности, только потому на всё другое испускает Сологуб его чёрные лучи, что сам он, сын Дьявола, — злой. От себя заключает он к остальному. Он уподобляет себя больной и злой змее; всё тайное сделавший явным, всё интимное — общим, откровенный до спокойного цинизма, он раскрывает злые пропасти своей души».

Айхенвальд во многом прав, но не в главном. Вспомните, кого ещё из наших поэтов упрекали в «злой душе»? Вот с аллюзией на

«Демона» и написал своё «чистосердечное признание» этот «монах Дьявола». Правда, в отличие от Лермонтова, «сын Дьявола» преподносит читателю перевёрнутую «исповедь» Демона как свою.

С Лермонтовым Сологуба сближает неприятие «немытой России». Её портрет Сологуб нарисовал с потрясающей точностью:

*Я ухо приложил к земле, / Чтобы услышать конский топот, —
Но только ропот, только шёпот / Ко мне доходит по земле.*

Более остро наточено это явление только в Америке, где каждый гражданин считает своим священным долгом донести властям на ближнего. Там опасно даже «роптать и шептаться».

Что же касается видения Сологуба окружающей русской жизни, жизни обездоленных сограждан, то оно выливалось, например, вот в такие строки, напоминающие народные песни:

*В его саду растёт рябина. / В его дому живёт кручина.
На нём изношенный кафтан. / Глаза окутаны туманом,
Как будто налито шафраном / Лицо, и согнут тощий стан.
Надежда милая убита, / И что от бед ему защита?
Терпеть судьба ему велит. / Перед его печальной хатой,
Враждебной властью заклятой, / Рябина горькая стоит.*

А вот переход от речи в третьем лице к личной лamentsации:

*Я живу в тёмной пещере, / Я не вижу белых ночей.
В моей надежде, в моей вере / Нет сиянья, нет лучей.
Ход к пещере никем не иден, / И не толь защита от меча!
Вход в пещеру чуть виден, / И предо мною горит свеча.
В моей пещере тесно и сыро, / И нечем её согреть.
Далёкий от земного мира, / Я должен здесь умереть.*

Далее приведу уже обобщённый вывод:

*Мы — пленённые звери, / Голосим, как умеем.
Глухо заперты двери, / Мы открыть их не смеем.*

Подобная жуткая безысходность возникает во многих стихотворениях Сологуба. Герой его лирики маленький и слабый человек, который и сам не может никому помочь, и тщетно ждёт от кого-то помощи, защиты:

*В поле не видно ни зги. / Кто-то зовёт: «Помоги!»
Что я могу?*

*Сам я и беден, и мал, / Сам я смертельно устал,
Как помогу?*

*Кто-то зовёт в тишине: / «Брат мой, приблизься ко мне!
Легче вдвоём.*

*Если не сможем идти, / Вместе умрём на пути,
Вместе умрём!»*

Лирическому герою подобных стихотворений не мил сам свет божий. Поэт называет солнце лютым змеем, драконом. При таком восприятии бытия сквозь решётку клетки, конечно, рамки творчества будут суженными. У Сологуба редкая для большого поэта тематическая скудость.

Сологуб сам очень точно определил свою творческую лабораторию: «Метод — бесконечное варьирование тем и мотивов». Это были темы и мотивы ужаса жизни. Поэт сознательно ограничил свою лирику узкими рамками. Впрочем, такой была сама природа его дарования. Его политические стихи и стихи о войне до того нехороши, что лежат вне пределов поэзии. Однако «бесконечное варьирование тем и мотивов» оборачивалось однообразием и монотонностью.

Лирическая поэзия держится преимущественно на трёх китах. Это стихи о любви; стихи о смерти; стихи о природе, отражающие любовь к родине, настроение, переживание, а также взгляд на мироустройство.

У Сологуба отсутствует любовная лирика, разумеется, если сюда не относить слабые стихи или такой, например, «перл» страсти:

*Луны безгрешное сиянье, / Бесстрастный сон немых дубрав,
И в поле мгlistом волхвованье, / Шептанье трав...*

*Сошлись полночные дороги. / На перекрёстке я опять, —
Но к вам ли, демоны и боги, / Хочу воззвать?*

*Под непорочную луною / Внимая чуткой тишине,
Всё, что предстало предо мною, / Зову ко мне.*

*Мелькает белая рубаха, — / И по траве, как снег бледна,
Дрожа от радостного страха, / Идёт она.*

*Я не хочу её объятий, / Я ненавижу прелесть жён,
Я властью неземных заклятий / Заворожён.*

*Но говорит мне ведьма: «Снова / Вещаю тайну бытия.
И нет и не было Иного, — / Но я — Твоя.*

*Сгорали демоны и боги, / Но я с Тобой всегда была
Там, где встречались две дороги / Добра и зла».*

*Упала белая рубаха, / И предо мной, обнажена,
Дрожа от страсти и от страха, / Стоит она.*

Своей ведьмой поэт чрезмерно вызывающе бросает вызов общественной нравственности. Так что возмущение Толстого легко понять: «В газете стихи не настоящего Соллогуба, а Фёдора Соллогуба. Это удивительное, ужаснейшее. Это женщины не могут читать». (Замечу в скобках, что ссылка на женщин тут неубедительна. Женщины как раз не без удовольствия читают самое низкопробное).

Как известно, двигателем любовной лирики является Она. Природа наделила Её столь обольстительными формами, что когда мужчина устремляет на Нёе свой восхищённый взгляд, у него вышибает мозг. А потому каждый мужчина становится поэтом, величая свою возлюбленную Солнцем или какой-нибудь другой звездой. От Её небесной красоты меркнут Изида, Астарта, Афродита, Венера. Для полного счастья ему не хватает лишь уз Гименея. Женившись и поостыв от клокотавшей страсти, он через год-другой замечает, что у его избранницы одна нога короче другой на полметра или что его избранница как раз и есть та самая сологубовская ведьма. Но происшедшая метаморфоза не имеет никакого значения. Любовная лирика уже создана ранее, до женьитьбы.

Сологуб тоже прошёл через ослепление, но мифологическое:

Волшебница Лилит

Я был один в моём раю, / И кто-то звал меня Адамом.

Цветы хвалили плоть мою / Первоначальным филлиамом.

*И первозданное зверьё, / Теснясь вокруг меня, на тело
Ещё невинное моё / С любовью дикою глядело.*

*У ног моих журчал ручей, / Спеша лобзать стопы нагие,
И отражения очей / Мне улыбались, благие.*

*Когда ступени горных плит / Роса вечерняя кропила,
Ко мне волшебница Лилит / Стезёй лазурной приходила.*

*И вся она была легка, / Как тихий сон, — как сон безгрешна,
И речь её была сладка, / Как нежный смех, — как смех утешна.*

*И не желать бы мне иной! / Но я под сенью злого древа
Заснул... проснулся, — предо мной / Стояла и смеялась Ева...*

*Когда померк лазурный день, / Когда заря к морям склонилась,
Моя Лилит прошла как тень, / Прошла, ушла, — навеки скрылась.*

Поэт глянул на Еву — и мгновенно прозрел, увидев перед собой «бабищу дебелиую и румяную», «грязную девку Альдонсу», а не желанную Лилит, Дульцинею. Вот таким образом и не состоялась у Сологуба любовная лирика.

Сологуб не обладал особым чувством природы. И по поэтической мощи, и по накалу живописных эмоций его стихи о природе уступают пейзажам Державина, Фета, Бальмонта, Бунина, Есенина. Пейзажи Сологуба безобразные, тусклые, с повторяющимися деталями, переходящими из одного стихотворения в другое. Однако подчас из-под его пера выпархивало нечто, что можно сравнить только с необычным:

*Во мгле почиет день туманный, / Воздвигся мир вокруг стеной,
И нет пути передо мной / К стране, вотще обетованной,
И только звук, неясный звук / Порой доносится оттуда,
Но в долгом ожиданьи чуда / Забыть ли горечь долгих мук!*

Эта миниатюра тоже не очень картинна, но её музыка способна свести с ума. Какая прелесть!

Поэты часто прибегают к миру природы, чтобы выразить своё мироощущение и создать так называемую «философскую лирику». Сологуб в своих философских стихах опирается не на природу, а на Шопенгауэра. Причём проза Шопенгауэра несравнимо поэтичнее, чем её сухое стихотворное переложение Сологубом. А потому здесь не стоит останавливаться.

Остаётся рассмотреть мотив смерти. Он занимают колоссальное место в творчестве Сологуба. Можно сказать, что Сологуб был в плену «навых чар» и, в сущности, создал кладбищенскую оду, гимн Смерти (это слово он неизменно писал с большой буквы). Смерть у Сологуба — освободительница от исполненной несправедливости, лжи, зла и прочих мерзостей жизни. Смерть — это порыв души к высокому, свободному и прекрасному:

*Никто не убивал, / Он тихо умер сам, —
Он бледен был и мал, / Но рвался к небесам.*

*А небо далеко, / И даже — неба нет.
Пойми — и жить легко, — / Ведь тут же, с нами, свет.
Огнём горит эфир, / И ярки наши дни, —
Для ночи знает мир / Внезапные огни.
Но он любил мечтать / О пресвятой звезде,
Какой не отыскать / Нигде — увы! — нигде!
Дороги к небесам / Он отыскать не мог,
И тихо умер сам, / Но умер он, как бог.*

Здесь типичное для Сологуба изливание души. И само стихотворение прекрасно по исполнению. Оно со своей «пресвятой звездой» тесно связано с лучшим творением поэта:

*Звезда Маир сияет надо мною, / Звезда Маир,
И озарён прекрасною звездою / Далёкий мир.*

*Земля Ойле плывёт в волнах эфира, / Земля Ойле,
И ясен свет блистающий Маира / На той земле.*

*Река Лигой в стране любви и мира, / Река Лигой
Колеблет тихо ясный лик Маира / Своей волной.*

*Бряцанье лир, цветов благоуханье, / Бряцанье лир
И песни жён слились в одно дыханье, / Хваля Маир.*

Об этом стихотворении написано множество восхищённых строк. Оно того достойно. Поразительная музыкальность, изумительно тонкая композиция и изящная простота. Высокий полёт этих стихов воспринимался буквально всеми, кто откликнулся на них, как мечта романтика о жизни где-то далеко от земли, в поднебесье. Однако это стихотворение не о жизни. Это стихотворение о смерти.

В плане содержания оно соотносится с тем, что издревле было связано с культом смерти. Выдуманная поэтом звезда Маир вполне может быть соотнесена с Сириусом, на который в лодке Тота уплывали фараоны после смерти ради вечной жизни. Земля Ойле — это рай в том виде, в котором он представлен в мифах многих народов мира, точно так же, как и река Легой и жёны (ойлейские девы). Последние, например, для мусульманина это гурии.

«Звезда Маир сияет надо мною...» входит в триптих, в заключительном стихотворении которого прямо говорится о смерти. На то же указывают и вот эти строки:

*Когда звенят согласные напевы / Ойлейских дев,
И в пляске медленной кружатся девы / Под свой напев, —
Преодолев несносные преграды, / И смерти рад,
Вперяю я внимательные взгляды / В их светлый град.*

Каждого человека формирует его детство. Каким оно было счастливым у Фёдора Сологуба, видно из сильной склонности поэта к мотиву смерти. Конечно, взрослым он не жаждал её. Ничто живое (ни птица, ни кошка, ни собака) не хотят умирать. Страхился смерти (причём до ужаса) и Сологуб. Вот его предсмертное стихотворение:

*Подыши ещё немного / Тяжким воздухом земным.
Бедный, слабый воин бога, / Весь истаявший, как дым.*

*Что Творцу твои страданья? / Капля жизни в море лет!
Вот — одно воспоминанье, / Вот — и памяти уж нет.*

*Но как прежде — ярки зори, / И как прежде — ясен свет,
«Плещет море на просторе» / Лишь тебя на свете нет.*

*Подыши ж ещё немного / Сладким воздухом земным,
Бедный, слабый воин бога, / И — уйди, как лёгкий дым...*

Осталось отметить, что Фёдор Сологуб — неровный поэт. Нередко поэзия более жила в его душе, нежели в его словах. Он написал сотни графоманских стихотворений, которые сохранены им из-за мании величия. («Единственная радость — это думать о том, что я — великий писатель». «Когда я хочу сделать себе что-нибудь очень приятное, я беру одну из своих книг — и читаю... огромное удовольствие».) Но в лучших его стихах (а о поэте можно судить только и только по лучшим его творениям) звучит дивная музыка и сокровенная правда о человеческом существовании. Фёдор Сологуб — тонкий лирик. Он занимает выдающееся место в нашей поэзии.

Москва

**Подписаться на журнал «На русских просторах»
в интернете можно на сайте Урал-Пресс
www.ural-press.ru Телефон: 8(343)226-08-01**